

За одну только ночь Жун Чэньцзюнь выложил Цзи Цзиню сто пятьдесят тысяч юаней за ответы на вопросы и еще полмиллиона сверху в качестве гонорара. Лишь после этого он смог до конца разобраться в том, что происходит с его маленьким яичным духом.

Положение Даньдана оказалось незавидным. Яйцо, обретшее разум и душу, — случай не просто редкий, а поистине уникальный.

Даже если Жун Чэньцзюнь удастся восстановить его врожденный талант, малыш все равно останется совершенно новым, доселе невиданным видом монстров. Не существовало ни одной готовой методики, которая позволила бы ему тренироваться без вреда для себя. В конце концов, он был именно монстром-яйцом, а не духом петуха, и традиционные техники клана пернатых ему совершенно не подходили.

Цзи Цзин и сам признался, что впервые видит того, кто использует протухшие яйца в качестве оружия. В мире немало существ, способных навлекать на людей неудачу, но большинство из них — это падшие благословенные звери. А то, что Даньдань, будучи столь хрупким созданием, умудрялся влиять на чужую судьбу, говорило лишь об одном: кроха мутировал.

Излечить мутировавшее существо с поврежденными основами — задача почти невыполнимая. Даже если собрать все необходимые духовные травы, Цзи Цзин не мог гарантировать успех.

Когда Жун Чэньцзюнь спросил, что произойдет, если оставить врожденный талант поврежденным, ответ Духа петуха заставил его сердце похолодеть.

— Если не восстановить его основы, он не сможет совершенствоваться, — безжалостно отчеканил Цзи Цзин. — Его тело просто не удержит духовную энергию. Со временем он начнет угасать. Его предел — от силы лет пятнадцать.

А ведь еще вчера Жун Чэньцзюнь, едва узнав, что сам является полудемоном, искренне радовался: теперь-то они с малышом смогут прожить долгую жизнь бок о бок.

Этот приговор прозвучал как гром среди ясного неба. Сердце Чэньцзюня сжалось от невыносимой боли. Он не мог даже помыслить о том, что через десяток лет Даньдань покинет его навсегда. От одной этой мысли разум упрямо катился в бездну безумия.

Обычные смертные живут до ста лет, а этому чудесному, светлому созданию отмерена лишь жалкая горстка зим. Почему судьба столь несправедлива к нему?

Чэньцзюня начали терзать сомнения. Что, если он сам во всем виной? Вдруг он слишком долго держал яйцо в холодильнике, холод проник внутрь и заставил малыша принять человеческую форму раньше срока?

Если это так, он никогда себе этого не простит. Никогда.

Чего бы это ни стоило, насколько бы труден ни был путь, он найдет способ исцелить Даньдана. Малыш заслуживает полноценной жизни, а не мимолетного мгновения в этом мире.

— Впрочем, не все так безнадежно, — поспешил добавить Цзи Цзин, заметив мертвенную бледность на лице собеседника. — Монстры отличаются от людей-заклинателей. Наши тела от природы невероятно сильны, поэтому редкие травы можно есть прямо так, без сложного процесса алхимии. Проще говоря: найдете пару нужных стеблей, скормите их яйцу — и часть его таланта восстановится, а с ней увеличится и срок жизни. За это время успеете отыскать остальные ингредиенты. Так что ваш подопечный не загнется прямо завтра.

В этот момент Жун Чэньцзюнь едва подавил непреодолимое желание придушить этого Духа петуха прямо на месте. Ну что за несносный тип? Обязательно было делать такие драматические паузы?

Но это действительно была лучшая из худших новостей. Если удастся подлечить основы хотя бы частично, они выиграют бесценное время для поисков редчайших, давно исчезнувших трав.

Расщедрившись еще на несколько купюр, Чэньцзюнь вытянул из прижимистого и жадного пернатого названия всех целебных растений. Он заучил их как священное писание, беззвучно поклявшись: он достанет их все, чего бы ему это ни стоило.

А вот идею с парным совершенствованием, которую тоже вскользь упомянул Цзи Цзин, Жун Чэньцзюнь отмел сразу же, без колебаний. Во-первых, Даньдань еще слишком мал. А во-вторых — малыш настолько невинен и чист, что мысль о том, чтобы доверить его какому-то постороннему монстру, казалась кощунством.

Позволить кому-то коснуться его сокровища? Да проще сразу вырвать сердце из груди. От одной только этой мысли Чэньцзюня начинало мелко трясти от ярости.

Вся надежда оставалась на Ассоциацию монстров. По словам Цзи Цзиня, обычные ингредиенты еще можно было купить на рынке, но несколько ключевых растений давно считались вымершими.

Если на этой земле и уцелели подобные реликвии, то лишь в сокровищницах древних, могущественных владык, живущих на свете уже не одну тысячу лет.

Но эти патриархи либо спали беспробудным сном в своих потаенных пещерах, либо ушли в глубокое уединение, и дозваться их было практически невозможно.

Однако Чэньцзюнь не собирался опускать руки. Обычные травы лишь оттянут неизбежное. Чтобы спасти малыша по-настоящему, ему нужны сокровища древности. И он их найдет.

Закончив расспросы, Цзи Цзин вежливо распрощался и растворился в ночи так же бесшумно, как и появился. Перед уходом они договорились, что утром он вернется и отвезет их на официальную регистрацию.

Когда дверь за гостем закрылась, Жун Чэньцзюнь перевел взгляд на ладонь, где все это время тихо лежал его притихший малыш. С того момента, как зашел разговор о дефектах основы, Даньдань слушал с на редкость серьезной миной, ни разу не перебив взрослых.

— Малыш, ты как? — тихо спросил Жун Чэньцзюнь.

Его голос никогда еще не звучал так мягко и нежно. Сердце переполняли жалость и безграничная любовь. Он бережно сжимал пальцы, гадая, как уберечь эту хрупкую кроху от страха перед будущим.

Этот день перевернул их привычный мир с ног на голову. Чэньцзюнь узнал, что в его жилах течет кровь монстра, а Даньдань столкнулся с жестокой правдой о своей уязвимости. Любая из этих новостей могла сломить кого угодно.

Взрослому мужчине требовалось время, чтобы переварить случившееся, что уж говорить о маленьком существе? Должно быть, сейчас кроха ужасно напуган. Глядя на «побледневшую» скорлупу Даньданя, Жун Чэньцзюнь чувствовал, как задыхается от жалости. Сердце разрывалось на части. Он отдал бы все, лишь бы забрать эту ношу себе, облегчить страдания малыша.

Но монстрик вовсе не был таким уж хрупким. Его молчание объяснялось куда более практичной причиной: он усиленно размышлял над услышанным.

— Жун-жун, а что такое «парное совершенствование»? — вдруг пискнул Даньдань, встрепенувшись. — Тот вредный дядька сказал, что ты тоже монстр. Значит, мы можем совершенствоваться вместе?

Жун Чэньцзюнь лишился дара речи. Он уставился на чистый, наивный взгляд маленьких глазок, судорожно соображая, как поделikatнее объяснить крохе суть этого древнего искусства.

— Нет, Даньдань, нам двоим это точно не подходит, — серьезно произнес он.

— Но почему? — захлопал ресницами И Даньдань. — Эти редкие травы так сложно искать. Вдруг мы не успеем, и я... ну, того?

Чэньцзюнь мысленно вздохнул. Судя по упрямому тону, отделаться общими фразами не удастся. С другой стороны, лучше рассказать сейчас самому, чем позволить малышу нахвататься глупостей из интернета или услышать какую-нибудь пошлость от других монстров.

Бедный наивный Чэньцзюнь даже не подозревал, что его «невинное дитя» уже давно приобщилось к пикантным комиксам для взрослых и только из-за обилия потрясений за день еще не успело залезть в поисковик с расспросами.

— Понимаешь, малыш... парным совершенствованием занимаются только очень близкие люди. Те, кто любят друг друга... муж и жена, например.

Жун Чэньцзюнь почувствовал, как к горлу подступает жар, а уши начинают гореть. Запинаясь и тщательно подбирая приличные слова, он попытался провести для яйца экспресс-курс полового воспитания. К концу этой неловкой лекции мужчина чувствовал себя так, словно его засунули в микроволновку.

В юности, живя в доме семьи Ян, он был предоставлен самому себе. Те негодяи хорошо если не избивали его, о каких душевных беседах и воспитании могла идти речь? Первые робкие знания он получил в школе, но тамошняя учительница биологии так смущалась, что половину материала проямлила под нос.

Лишь позже, в студенческом общежитии, благодаря более продвинутым соседям по комнате, увлеченно обсуждавшим взрослые фильмы, Чэньцзюнь наконец начал разбираться в деликатных вопросах анатомии и отношений. Именно тогда он окончательно осознал свои истинные предпочтения. Приняв себя, он углубился в изучение темы, перерыл кучу тематических ресурсов и, чего греха таить, отсмотрел немало специфических видео... Кхм.

Но не вываливать же все это на маленькое говорящее яйцо? Разумеется, нет. Так что Жун Чэньцзюнь ограничился сухой, максимально зацензуренной теорией и тут же замолчал, надеясь замять тему.

Ему и в страшном сне не могло присниться, что он окажется в столь неловком положении. И чем серьезнее Даньдань вслушивался в его путаные объяснения, тем сильнее Чэньцзюню хотелось провалиться сквозь землю.

— Вот оно как... — протянул после недолгих раздумий И Даньдань. — Значит, пока я такой маленький, этот способ отпадает? Остаются только травки?

Жун Чэньцзюнь с облегчением закивал, вернув лицу строгое и сосредоточенное выражение.

— Именно так, малыш. Но ты не переживай. Завтра же после регистрации мы купим те лекарства, что попроще, и проверим, как они подействуют. А редкие ингредиенты добудем позже. Обещаю тебе, все будет хорошо. Пока я рядом, тебе ничего не угрожает.

— Жун-жун, ты самый лучший! — Даньдань изо всех сил закивал, преданно заглядывая ему в глаза.

— Знаю-знаю, подлиза, — рассмеялся Чэньцзюнь. — Ладно, пора умыться. Время позднее, а завтра важный день. Так что никакого сонного царства с утра, договорились?

— Вообще-то это ты у нас любишь поспать подольше... — тихонько буркнул Даньдань.

Пребираясь по пути, они провели свой ежевечерний часовой ритуал водных процедур. Вернувшись в спальню, Чэньцзюнь проводил взглядом упорхнувшего в свой игрушечный домик малыша и лег в постель.

Погасив свет, он не стал сразу закрывать глаза. Нащупав телефон, он убрал звук, отключил вибрацию и открыл мессенджер. Проигнорировав десятки висящих непрочитанных уведомлений, он пролистал список контактов до старого знакомого, с которым не общался уже целую вечность, и быстро набрал сообщение:

«Брат Чэнь, пора начинать. Запускай сразу оба плана — и А, и Б».

День выдался сумасшедшим, но Жун Чэньцзюнь не страдал забывчивостью. Если он решил стереть семейку Ян в порошок, то шутить не станет. Он давно и тщательно планировал месть этим троим ублюдкам, и у него все было готово до мельчайших деталей.

Брат Чэнь — или Чэнь Цзюнь — был владельцем сети питейных заведений. В Юньши под его началом работало больше десятка баров, три караоке-клуба и элитный закрытый салон. Дела его шли вполне успешно. Официально он числился добропорядочным коммерсантом, но в определенных кругах все знали: Чэнь Цзюнь прочно связан с криминальным миром.

Впрочем, по меркам подполья он слыл человеком принципиальным: наркотиками не баловался, подпольных казино не держал, промышлял разве что теньевыми плотскими услугами. Благодаря этому Жун Чэньцзюнь поддерживал с ним приятельские отношения — насколько это вообще было возможно для нелюдимого человека. Он по натуре своей был волком-одиночкой и неохотно пускал кого-то в свою жизнь.

История их знакомства вышла довольно кинематографичной. В студенческие годы Жун Чэньцзюнь, пытаясь наскрести на оплату учебы, подрабатывал в одном из ночных клубов промоутером алкогольных брендов. Возвращаясь как-то ночью со смены, он наткнулся в темном переулке на истекающего кровью парня, которого зверски избивала толпа отморожков. Это и был Чэнь Цзюнь. Жун не прошел мимо и помог ему отбиться.

В те времена Чэнь Цзюнь был лишь простым уличным задирой — прямым, резким на язык, нажившим себе кучу врагов. Спасение от верной гибели связало их крепкой дружбой. Поднявшись со дна и сколотив приличный капитал, он все искал способ отплатить за ту услугу. И когда на горизонтах нарисовалась обнаглевшая семейка Ян, Жун Чэньцзюнь решил, что пришло время обратиться к профессионалу.

Бывший бандит откликнулся мгновенно и набросал несколько планов — один грязнее другого.

План «А» предполагал подставить семейство с наркотиками, план «Б» — втянуть их в подпольный игорный бизнес и ободрать до нитки. До этого момента Жун Чэньцзюнь колебался, не решаясь сделать выбор и откладывая окончательный удар.

Но теперь пощады не будет. Пусть получают все и сразу.

Отправив сообщение, Чэньцзюнь заблокировал экран, положил телефон на тумбочку и прикрыл глаза.

В просторной тихой комнате мерно перекликались два дыхания — тихое мужское и совсем невесомое, крошечное. И от этого созвучия прохладный ночной воздух казался теплым и уютным.

<http://bllate.org/book/18224/1751243>